

***Хомякова Элла Анисимовна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."***

***Родилась в Ленинграде в 1935 году. В 1952 году закончила школу №71,
в 1955 г. техникум связи. Основная трудовая деятельность связана с
Биофизприбором***

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

22 июня 1941 года воскресенье – начало Великой Отечественной войны. Мы всей семьей отдыхали за городом на берегу какой-то реки, какой не знаю, а спросить теперь уже не у кого. Вечером приехали в город и узнали, что началась война.

Мне было 6 лет, сестре Майе – 11, а брату Вите – 15 лет.

7 июля папа проводил в эвакуацию маму с двумя детьми – со мной и Майей. Брат поступил в морскую спецшколу, он ждал отправку училища на восток, и поэтому он оставался в Ленинграде. Я очень хорошо помню, как я вышивала метки на белье брата – 1-й курс 2-я рота.

И вот, я и Майя вместе с мамой в вагоне в вагоне поезда, папа на платформе. Он вынимает из кармана пиджака все, что есть в его карманах, и отдает маме – карандаши, резинку-ластик, спички на картонке.

Простились с папой, и оказалось – навсегда. 10-11 июля он отправился в армию на Ленинградский фронт. Брат был в городе и оставался всю блокаду.

Папа приезжал в город по делам, навещал Витю. Нам от папы пришло 4 письма, последнее от 14 августа 1941 года. Брата с училищем отправили на Восток.

Поезд, в котором мы ехали, довез нас до станции Лом Ярославской области. Всех эвакуированных высадили, и мы должны были ждать, когда нас повезут к месту поселения. Майя пошла собирать цветы, а мне тоже захотелось идти за цветами, и я пошла. Там было поле ржи с васильками, Майю я не нашла и потерялась в поле. Какая-то добрая женщина нашла меня и привела к маме. А они уже не надеялись меня найти, собирались ехать в колхоз, где мы должны были жить.

Привезли нас в деревню Якунино. Поселили нас в дом, где жили 2 сестры. В одной половине дома жила Екатерина Николаевна Тихомирова, председатель колхоза, с сыном Вячеславом 1932 года рождения. В другой половине – ее старшая сестра Мария Николаевна. Какие хорошие были эти люди! Они относились к нам как к родным.

У тети Мани была безрогая корова Комолка, теленок и овцы. Я по утрам их выгоняла в стадо на пастбище, вечером загоняла во двор. У Екатерины Николаевны была собачка Динка, а у меня был серый котик Мурзик. Я с ним играла, он меня никогда не царапал, играл, не выпуская когтей.

Мама работала в соседней деревне счетоводом, я иногда ходила с ней на работу, и рядом со мной ходил кот Мурзик.

В деревне школы не было. Средняя школа была за 5 км, сестра с осени стала в нее ходить.

На следующий год организовали начальную школу. В школу брали с 8 лет, а мне было 7 лет, но я уже умела писать и читать, и меня приняли в первый класс. Училась я хорошо, получала похвальные грамоты. Детей в деревне было много, летом гуляли, играли и помогали взрослым. Вернуться в Ленинград из эвакуации было непросто. В письмах моей тети, маминой сестры, из блокадного Ленинграда я поняла, что нам нужно было выслать вызов. Тетя Люба писала, что она много раз обращалась к директору завода, чтобы нам выслали вызов, но нам не присылали. Только когда в Ленинград вернулся друг нашего папы, он смог нам помочь вернуться домой.

Выехали из эвакуации только в сентябре 1945 года. Помню наше возвращение. Ехали мы в телеге, и я правила лошадьми. Везли нас 2 лошади, мы ехали в Рыбинск, там нас посадили в поезд. Доехали до Малой Вишеры, там, видимо, пересаживались на другой поезд. Вокзал в Малой Вишере был разрушен. Мы страшно промокли и целую ночь мокрые ехали в город – домой, в Ленинград. А потом, помню, ждали, помню, как с подружкой в палисаднике «пекли пирожки». Тесто у нас было из листьев липы, а начинка – морковь, оказалось, что листья липы можно было есть.

Мы с сестрой, чем могли, помогали тете Мане по хозяйству. Ходили в лес за ягодами и грибами. Выгоняли с утра домашний скот в стадо, а вечером

загоняли домой. Животные нас слушали. Овечек я звала «бари, бари, бари», и они отвечали мне послушанием и бежали домой. В доме была комната на чердаке, и мы с Майей там играли. Она хорошо рисовала, вырезала из бумаги кукол и одевала их в «красивые» платья.

В сенокосную пору мы помогали ворошить и переворачивать сено. Когда созрел лён, мы его рвали и вязали в снопы и ставили в бабки, когда снопы высыхали, нам давали вальки – это такой инструмент для выбивания семян льна. Нам это доверяли делать.

Однажды нас, школьников, отвели на ригу, где сушили снопы, и нам выдали цепи – это такой инструмент, который отбивает зерно из зерновых, и мы это делали. После уборки зерновых школьники собирали колоски.

Книг в деревне не было. Нашли только одну – «Приключения Мюнхгаузена», вот ее я и читала.

Однажды я увидела, как мама «колдует» над каким-то ящичком. Что-то рассматривала, водила пружиной по блестящему камушку, а оттуда иногда появлялся какой-то звук. Оказалось, что это был детекторный приемник, маме удалось его «оживить», и можно было иногда слушать Москву. Я иногда это вспоминала и не могла понять, откуда у мамы такие познания. А теперь, читая папины и мамины письма, я поняла: мама это умела делать, у нее уже был однажды подобный опыт.

Долгими зимними вечерами при керосиновой лампе занимались овечьей шерстью. Состриженную с овец шерсть нужно было «щипать» - разнимать тонкими прядками. А тетя Маня потом из нее делала кудели – это заготовки для прядения. Куделю привязывали к ручной прялке и с помощью веретена пряли нитки. Потом все, кто мог, вязали носки и рукавицы и отправляли на фронт нашим воинам. Шили кисеты и посылали тоже. Рукоделием я научилась заниматься в 4-5 лет. Я уже умела вышивать и вышивала тете портьеры на двери. Мама умела вышивать, вязать и шить. Всему этому научила сестру и меня.

Летом мы собирали лекарственные растения, сушили их, и куда-то тетя Маня сдавала.

А еще мама мне помогала собирать гербарий. Цветы и травы сушили, а потом нашивали на использованные тетради. А тетради были из газет или из толстой оберточной бумаги.

Тетя Маня на печке сушила зерно в мешках, и мне разрешали забираться на печь, мне это очень нравилось. Там у нее сушились сухари.

Говорили, что бомбят Рыбинск, а это было не очень далеко от нашего колхоза. Боялись, что придется передвигаться на восток, к счастью, не пришлось.

Однажды, помню суету взрослых, говорили, что где-то за деревней приземлился самолет, летчик жив, но ранен. Мама могла оказать помощь, и она с другими людьми пошла помогать.

В колхозном клубе иногда показывали кино, привозили кинопередвижку. Это было, видимо, в конце войны, а, может быть, и после ее окончания.

Помню, однажды на сцене клуба показывали спектакль. Запомнилась женщина в военной форме и сапогах.

Наш дом находился на Петроградской стороне – дом с башнями на площади Л. Толстого архитектора Белогруда. При очередной бомбардировке бомба упала перед домом со стороны Большого проспекта. Со стороны фасада в стене была большая трещина. Дом не отапливался, и жить в нем было нельзя, поэтому от Московского вокзала мы поехали к тете Любе.

Добрались к тете Любе к ночи, утром просыпаюсь и вижу: мама стоит у окна перед открытой форточкой и с трудом дышит. Тетя вызвала врача. Мама рассказала, как мы мокрые ехали в поезде, и высказала предположение, что у нее бронхит. На что врач сказал: «Нет, милочка, у вас не бронхит, а бронхиальная астма, от нее не умирают, но мучаются всю жизнь». Так оно и было. 13 лет болезнь не отпускала. Периодически маму госпитализировали в больницу им. Эрисмана – 1-й мединститут.

Двоюродные братья Леня и Миша вернулись из эвакуации, они всю войну были в детском доме в Кировской области. Их отец погиб при прорыве блокады в районе Синявинских болот. Сама тетя всю блокаду была в городе, работала библиотекарем в ремесленном училище при заводе «Арсенал».

Был сентябрь, учебный год начался. Нас с Майей приняли в школу на Гороховой улице, где мы проучились весь учебный год.

Вот еще один эпизод из нашей жизни в эвакуации. Была у нас и самодеятельность. Под руководством тети Кати Тихомировой поставили мы сценку о маленьком мужичке по Некрасову. Меня взяли на роль «мужичка». У кого-то нашлась деревянная лошадка на колесиках, маленький тулупчик и хромовые сапожки. Я брала лошадку под уздцы и говорила «Ну пошел!»

Мама долго переписывалась с Марией Николаевной и Екатериной Николаевной. Сестра Майя ездила в деревню, застала много знакомых. Потом стали укрупнять колхозы, и, когда я хотела туда поехать, мне сказали, что я ничего там не найду, там все заросло. Но мы с мужем ездили в Рыбинск в 1978-1979 гг. и жили у тети Мани несколько дней.

Встреча в Рыбинске

Мы очень благодарны замечательным людям, которые приютили нас и много тепла и сил отдали нам.

В конце 90-х годов, когда нам выделили дачные участки, мы встретились с сыном Екатерины Славой в пос. Трубниково, где у нас и у них были дачные участки.

14.01.2013-27.02.2013